

Николай Секерин

Вечное

TERRARUM

ORBIS

TABULA

ex officina G. a Schagen

Amstelodami

Николай Секерин

Вечное

«Автор»

2019

Секерин Н.

Вечное / Н. Секерин — «Автор», 2019

Смерти нет, её придумали, чтобы пугать непослушных людей и заставлять их делать то, что они не хотят. Мы проживаем свои жизни по заранее предопределённому сценарию, несмотря на то, что хотим и можем иначе. Ибо нас одолевает страх неизвестного... И в своём рукописном обращении к людям, то Вечное, что сидит внутри нас последние пятнадцать тысяч лет, попробует рассказать нам всё, что знает об этом неизвестном.

© Секерин Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Период первый. Древний Мир	8
Джараб	13
Махеш	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Секерин

Вечное

Большинству смертных моя история покажется странной. Я не знаю прочтёт ли это кто-нибудь, когда-нибудь – трудно это предположить. За те тысячи лет, что я наблюдаю за людьми, я удостоверяюсь раз за разом, что большинство из них слишком глупые. Все они созданы для того, чтобы быть кормом для других, более умных людей.

Порой я не знаю, может так и должно быть. В любом случае моя задача наблюдать и вести хронику. Я призван для этого. Что ж, давайте познакомимся, меня зовут Василий Сущий, и сегодня мне пришло уведомление о моей смерти. Вам, конечно, может показаться странной форма, в которой я говорю об этом. «Пришло уведомление о смерти» – будто смерть надо пойти и получить на почте. Должен предупредить заранее: вам будет казаться странным многое из того о чём я буду рассказывать, и поэтому я не буду без конца повторять одну и ту же фразу. Просто когда увидите странное – вспомните, что я вас уже предупредил на весь период нашего общения. И тогда со временем вы, возможно, всё поймёте.

Василий Сущий – это имя, с которым я проживаю текущую жизнь, то есть я хотел сказать, работаю смену. Дело в том, что я не человек. Я то, что сидит внутри человека. И я знаю все тайны. Точнее, тайны это для обычных людей, а для меня вовсе и не тайны, а так... информация.

Есть всего восемь таких как я. Я – пятый. Было бы правильнее назвать себя *Пятый* – это моё истинное и настоящее имя. Однако сложность заключается в том, что среди нас нет таких понятий как "имя", "пятый", "восьмой" и прочее. Я всего лишь перевожу на людской язык свои знания. Мы же общаемся между собой ни словами, ни мыслями и даже не телесно как это делают животные. Мы... впрочем, зачем это вам? Передать этот способ общения было бы возможно, лишь общаясь этим способом, а я даже не представляю какую точно аналогию привести.

Ну... например, переходник со множеством розеток? Да. Представьте, что в переходнике восемь розеток. Сквозь каждую розетку есть выход для электрического тока. Вот мы и есть эти розетки, а ток – это способ нашего взаимодействия. Впрочем, оставим это. Я просто буду рассказывать на привычном для вас языке.

Быть может, нас восьмерых вы бы назвали душами, если принять во внимание некоторые концепции человеческих религий. Однако суть намного глубже. То, что называют "душой" богословы – очень поверхностное понятие, которое к тому же ни в одной из трактовок не совпадает с истинным положением вещей. Да и с чего бы? Религиозные цели отнюдь не сопряжены с передачей массам информации о таинственном. Все эти сочинители сами ничего не знают, а если бы и знали, то никогда не поделились бы таким знанием.

Религии создавались с единственной целью – управлять стадом. За те пятнадцать тысяч лет, что я веду статистику, наблюдая за развитием человечества, мало что вызывало у меня такое омерзение, как этот наглый обман, которым пичкают бедное человечество от колыбели и до могилы.

Поэтому нет, я не душа. Я – Пятый. А до следующего четверга я нахожусь в человеческом теле по имени Василий Сущий, как я, собственно, и представился вам вначале.

Было так.

Давным-давно, задолго до появления первых живых организмов на планете Земля, наши *Владельцы* (я буду называть их этим термином), решили зародить жизнь. Это можно сравнить, например, с тем, как на дачном участке сажают деревья, или растения. Планета Земля в определённых масштабах, в общем, и есть такой дачный участок.

Наши *Владельцы* это как бы (опять же, в переводе на ваш язык) семейная пара, я мог бы назвать их мужчиной и женщиной, но на такую аналогию у меня просто не повернётся язык. Если обратить свой взор на тех мужчин и женщин, что населяют планету сейчас, то подобное сравнение с *Владельцами* было бы крайне оскорбительным.

К тому же *Владельцы* не размножаются, не едят и не гадят, они не спят и не бодрствуют, и у них нет осязаемой оболочки. *Владельцы* просто всегда и везде *присутствуют*.

Владельцы задумали создать жизнь на Земле и посмотреть что из этого получится.

Дальше всё происходило как написано в теории Чарльза Дарвина. Вы называете это эволюцией. Жизнь разрасталась, появлялись новые животные и растения, *Владельцы* были довольны.

А потом, когда развитие дошло до появления первых людей, *Владельцы* решили провести эксперимент. Они создали *Сознание*. *Сознание* - это как некая компьютерная программа, которую устанавливают на носитель. Вроде операционной системы.

Только здесь всё было серьёзнее чем человеческие изобретения. Его просто создали один раз и поместили в вид человекообразных. Хомо сапиенс, как называли это ваши мудрецы позднее. И после того как *Сознание* было помещено в биологический вид древнего человека, оно стало развиваться самопроизвольно.

Тогда то *Владельцам* и понадобились мы. До того момента, пока Землю населяли лишь инстинктивные организмы и растения, никакого дополнительного наблюдения не требовалось. Их просто запустили и иногда, примерно раз в 300-400 лет, смотрели за их ростом. Всё было просто и предсказуемо. Растения росли, животные размножались и эволюционировали.

Но когда было создано *Сознание*, всё изменилось. *Владельцам* было интересно наблюдать за тем, что делают люди, ведь у них появилась своя доля самостоятельности. Первое время *Владельцы* наблюдали за развитием *Сознания* постоянно, однако вскоре им это наскучило. Как бы ни было увлекательно видеть развитие орудий труда и прочего, всё это в своей основе было ужасно однообразным.

Творческая жилка встречалась у людей крайне редко, все они предпочитали повторять одни и те же действия, а если кто и создавал что-то новое, оно всегда воспринималось с неприязнью и страхом. Человечество всячески стремилось тормозить развитие *Сознания*.

Чтобы увидеть по-настоящему что-то новое и интересное, *Владельцы* должны были чуть ли не тысячу лет наблюдать за одним и тем же, поэтому, для своего удобства *Они* создали нас.

Наша задача была простой. Мы выполняли функции, своего рода, записывающего устройства. Наблюдали за человечеством постоянно, одновременно из восьми точек.

Каждого из нас помещали в тело случайного человека, и когда тело переставало функционировать (то есть человек умирал), мы входили в новое тело новорождённого и продолжали вести наблюдение.

Мы фиксировали всё происходящее и если вдруг в развитии *Сознания* происходило что-то интересное – незамедлительно посылали сигналы *Владельцам*. Тогда они мгновенно появлялись и считывали всю интересную информацию. Так, мы сигнализировали, когда люди изобрели первые орудия труда, развязали первую войну, придумали первую религию, устроили рабство, изобрели деньги, колесо, мельницу и тому подобное. Любое новшество, будь то научное открытие, социальное, или техническое изобретение, мы должны были сразу фиксировать и сообщать об этом *Владельцам*.

Хотя нас помещали раз за разом в обычно живущих людей, мы в то же время как бы находились одновременно в двух местах. Первое место, это как бы такая "совещательная комната", где мы непрерывно находимся в восьмером. В этой комнате есть "большой экран", через который видна суть всего *Сознания*, общего. То бишь оттуда можно наблюдать за всеми людьми

Земли одновременно, за тем, что они делают, о чём думают, какие испытывают желания, о чём мечтают и так далее.

Вторыми местами, в которых каждый из нас находился одновременно, были тела отдельно взятых восьми людей в разных уголках Земли. Каждый из нас ничего не знал о телах других семерых – где оно, кто он, или она. Мы занимали крохотную часть в бессознательном живого индивидуума и наблюдали за всем процессом жизнедеятельности человека из его нутра. При этом мы чувствовали всё то же, что чувствует он, слышали, видели и вообще воспринимали.

Пока наш человек спал, мы могли занимать всё его подсознание, иногда давать какие-то подсказки. В некоторых случаях мы даже врвались в его *Сознание* и говорили от его имени что-нибудь окружающим. Однако, это было опасно, люди после такого теряли рассудок и вскоре умирали. Поэтому, если мы иногда и вмешивались в Жизнь, то лишь в пределах, которые показались бы привычными и разумными для любого человека.

Лезть же в развитие *Сознания*, подсказывать по фундаментальным вопросам и предостерегать людей от опасности, нам строжайше запрещалось.

Поясню, что запрет в нашем случае это не правило, которое можно нарушить, как это происходит в человеческом мире. Запрет для нас это то, что мы просто не можем сделать. Для нас, нарушить правило невозможно. Это как запретить человеку поднимать одной рукой тонну железа.

Так мы и существуем. Просто выполняем свою работу вот уже пятнадцать тысяч лет... Однако стоит, пожалуй, начать с самого начала и если ты готов, мой воображаемый друг, тогда следуй за мной.

Период первый. Древний Мир

Я помню всё. Помню, что испытывает человеческое существо, когда выходит из утробы матери. Помню, что оно чувствует, когда умирает. Вижу его переход из умершего тела в новое, новорождённое, вижу и помню все его сны.

Но, к сожалению, я не помню, что было до того как Владельцы создали меня и остальных, моих семерых "братьев" и "сестёр".

Всё произошло так, как будто мы всегда были и всегда знали друг друга. Всего лишь мгновенье назад ничего не было, а сейчас есть. Словно лампочку включили нажатием клавиши.

Включили и вот, мы уже в своей наблюдательной комнате, все восемь. Первый, Вторая, Третий, Четвёртая, Пятый (Я), Шестая, Седьмой и Восьмая.

Мы не здороваемся и не знакомимся друг с другом. Мы *знаем* друг друга, *знаем* кто из нас кто и зачем мы здесь. Нас просто *включили*.

Каждый из нас сразу начинает работать. От каждого отделяется его половина, или если хотите, его двойник, который молниеносно отправляется в уже готовое родиться тело. Туда, на Землю. Каждый из нас уходит в свою 1/8 часть Света. Мы равномерно распределяемся по всему Миру, и наша бесконечная вахта начинается.

Я почувствовал неприятное скольжение, словно меня с силой выталкивают из липкого, растягивающегося тоннеля. Я чувствую отвратительный запах экскрементов и крови. Потом я вижу тусклый свет и чувствую прикосновение мохнатых лап. Я кричу, издаю какие-то обезьяньи звуки. Меня поворачивают, и я вижу свою мать.

Это безобразная дикарка с волосами по всему телу, она смотрит на меня со звериным умилением и показывает меня человеку, стоящему рядом. По всей вероятности это мой отец. Такой же безобразный дикарь, весь заросший шерстью. В его руках здоровенная дубина. Он равнодушно смотрит на меня и отворачивается. Мать прижимает меня к груди.

Всё немного странно, я чувствую, что грудной ребёнок это я, в то же время я знаю, что часть этого ребёнка, не принадлежит ему, а принадлежит другому мне – Пятому.

Вскоре я привыкаю к своему положению и начинаю наблюдать.

Мать кормит меня грудью, отца я больше не вижу. Не знаю, что тут происходит, толком ничего не ясно. Почти всё время темно, похоже, мы находимся в пещере.

Днём я вижу всё в сером свете, ночью кромешная тьма.

Мать переговаривается с другими женщинами, используя какие-то горганные звуки. Я ничего не понимаю: есть ли смысл в этих разговорах, или это нечто вроде звериного рыка?

Я стараюсь делать то, к чему меня призвали. Наблюдаю и фиксирую происходящее. Похоже, что они едят сырое мясо.

Проходит несколько дней, и младенец, в тело которого я *вошёл*, умирает. Его тельце охватила зараза, не хватает витаминов и полезных веществ. Его глаза закрываются, моя первая половина *выходит* из его *Сознания* и на мгновение возвращается ко второй половине в "комнату".

Я тут же отправляюсь обратно в Жизнь, но уже в новое тело.

Снова скользкий липкий коридор, я снова на руках у матери. Снова пещера, только другая.

Всё здесь происходит так же, как и в моём первом месте *появления*. Даже мой предполагаемый отец – такой же угрюмый, заросший шерстью, полужверь. Все здесь переговариваются между собой звуками и телодвижениями. *Сознание* пока ещё только на самой ранней стадии своего развития.

В это «дежурство» мне посчастливилось пережить младенчество, однако эта моя жизнь всё равно кончилась быстро. По моим подсчётам прошло всего четыре земных года, когда у людей из пещеры начался голод. Моего отца и большинство других самцов погрызли хищники, и чтобы выжить моя мать решила меня съесть.

После этого я снова сменил тело, но оно опять протянуло мало. До момента полного физического взросления, то есть до тринадцати лет, я смог дожить лишь с восемнадцатой попытки. На тот момент общий срок наблюдения за жизнью на Земле для меня превысил семьдесят лет. Я ещё даже не отслужил первую сотню лет, а позади уже было семнадцать смертей маленьких мальчиков.

Впрочем, и этому юноше не суждено было прожить долго, он умер не дожив и до двадцати. Выйдя однажды с охотниками в лес, он не смог сбежать вместе со всеми, и его загрыз тигр.

Я снова переместился в новое тело, потом снова и снова. Понятия долго, скучно, надоеливо – нам чужды. Конечно, я и остальные семь понимаем смысл этих слов, понимаем какое состояние человека они обозначают, но сами не испытываем.

Мы просто выполняем свои функции. Ведём наблюдение из штаба и одновременно из разных живых тел. В теле мы находимся столько, сколько оно живёт, потом на мгновение в штаб, выбираем новое, готовое вот-вот родиться тельце, и входим в него.

Если округлить первые восемь тысяч лет нашей работы – могу сказать, что кроме изобретения примитивных орудий труда и оружия, древнее *Сознание*, практически ничего не создало. Ну, за исключением мелочей вроде некоего подобия одежды, представляющей собой обрывки шкур животных.

Люди Древнего *Сознания* просто выживали, размножались, спали и гадили. Наблюдать за их охотой было не особо интересно, ибо гораздо ловчее это получалось у обычных хищных животных.

За восемь тысяч лет, Владельцы *приходили* в штаб лишь дважды. Наскоро ознакомившись с информацией, они уходили. Было ясно, что пока *Сознание* не оправдывает их надежд. Хотя, может, они и понимали заранее, что первые шаги развития самые медленные.

В начале девятого тысячелетия люди стали изобретать более существенные вещи.

Всё меньше народа жило в пещерах, появились хижины. Пищу теперь ели не только сырую, но и приготавливали на костре. Огонь добывать пока не научились, но если вдруг где-то возникал природный пожар, люди выхватывали из него головёшки и, посменно меняясь, поддерживали костёр годами.

Разум становился всё более развитым, и наконец, появилась первая более-менее осмысленная речь. А вместе с ней и первая письменность.

В этот период Владельцы стали навещать в наш "штаб" чаще. Они считывали с нас информацию и время от времени *совещались* между собой.

Похоже, их ожидания начали оправдываться. *Сознание* наконец-то стало показывать более интересные результаты своего развития.

Как-то раз я зафиксировал на скальное изображение, которое делал острым камнем мой тогдашний человек. То был незамысловатый рисунок, изображающий мамонта. Я тут же проинформировал об интересной находке в штаб, где моя вторая половина отправила сигнал Владельцам. Они явились, и пристально изучили рисунок, а также всю мыслительную деятельность человека, который сделал изображение.

После этого, Владельцы ещё долго оставались в штабе, пока о похожих событиях не стали докладывать и другие *дежурные*. За какие-то двести человеческих лет, в штаб поочерёдно пришла информация от Первого, Шестой, Второй и Третьего.

Ещё через триста лет, мы докладывали владельцам о первых надписях, содержащий в себе смысл речевых оборотов. Люди разработали первую примитивную письменность. Мы наблюдали за наступлением новой эры *Сознания*.

Я обозначаю в своих записях периоды, привычными для людей названиями. Так, как вы знаете, в официальной истории человечества Древний мир это первый и самый длительный период. За ним следуют Средние Века, Новое и Новейшее время.

Для удобства я назвал части своей рукописи этими наименованиями. Для вашего, условно, удобства. Поскольку для меня, как я говорил ранее, ваше понимание времени, жизни и смерти, не имеет какого-либо практического смысла. Я просто часть оборудования, созданного Владельцами. Одна восьмая часть, если быть точным.

Как вы, наверное, знаете, история человечества, а для нас история рождения и развития *Сознания* длится пятнадцать тысяч лет.

Рассказывая вам о периоде Древнего мира, я максимально быстро отразил то, что видел первые восемь тысяч лет. Собственно, даже не максимально, а единственно возможно. На ранней стадии своего развития, *Сознание* чрезвычайно глупо, и потому от одного примитивного открытия до второго могут проходить две и три тысячи лет. Поэтому, собственно, рассказывать до девятого тысячелетия особо и нечего.

Первые носители *Сознания* мало чем отличались от обычных животных, поэтому я не представляю, кому будет интересно наблюдать тот мир из головы первобытного самца. Это выглядит примерно так: добыл еду, поел, отдохнул, оплодотворил самку, погадил, уснул, убил соседа, умер.

В таком цикле протекали те жизни, которые достигали хотя бы пятнадцатилетнего возраста. Огромное множество первых людей, в которых я присутствовал, умирали в ранней юности и младенчестве. Так пролетели тысячи жизней.

В девятом тысячелетии *Сознание* вышло на новую ступень. Этому сильно способствовала систематизация устной речи и изобретение письменной.

Теперь люди могли передавать вновь полученные знания своим детям. Когда изобрели топор, то его не просто показали всем вокруг, но и изобразили чертёж на скальной стене в пещере. Теперь было исключено забвение, новые изобретения фиксировались, как бы сохранялись в памяти *Сознания*.

Того же нельзя было сказать о временах до изобретения письменности, и это зачастую приводило к тому, что изобретения забывались, а человечество откатывалось в своём развитии на пятьсот-шестьсот лет назад, пока кто-нибудь заново не учился делать забытую вещь.

С девятого тысячелетия в наших наблюдениях стало появляться гораздо больше интересного. Люди научились создавать общины. Это уже было не просто зверообразное стадо, инстинктивно прирученное вместе охотиться и драться за самок. Стали заметны первые зачатки будущего протогосударства.

Сознание сначала подарило людям искусственно построенное жилище. Потом люди научились планировать своё питание и откладывать добытую пищу на потом. Первые творческие люди, помимо наскальных рисунков, делали первые робкие попытки в танцах и пении.

Так продолжалось всё девятое тысячелетие, по завершении которого, началось уже по настоящему интересное.

Ибо в десятом тысячелетии, *Сознание* создало Власть.

Вновь, уже привычный выход из узкого скользкого коридора. Младенчество, мать, отец, два брата. Я живу в хижине, учусь разговаривать.

У меня впервые появилось имя – Тхшп. Сложное, но для того времени простое. Будто такой шипящий кашель. Такие имена были тогда у всех. Мы совсем недавно научились говорить и наши слова ещё пока не сильно отличались от звериного рыка.

Тхшп быстро повзрослел, отец научил его, то есть меня, охотиться и драться. Отец сказал, что надо уметь постоять за себя и набить рожу наглецу. Ещё отец сказал, что драться надо для того, чтобы добыть себе лучшую жену.

Я научился драться и хорошо охотился. Советы отца пошли мне на пользу. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, отца растоптал мамонт. Я особенно не горевал по этому поводу, так как отец был уже довольно стар, недавно ему исполнился тридцать один год.

Младшие братья полностью признавали мой авторитет. Сестёр у нас не было, поэтому защищать было некого. Мать тоже была стара и её жизнь никакой ценности уже не имела. В полную луну ей будет уже двадцать семь.

В нашей деревне главным был Сгнул. Когда-то давно мой отец сражался с ним за право быть главным, но Сгнул побил моего отца, однако оставил жить. Сгнул решал каких женщин кому дать, он назначал драки за женщин, еду и хижины. Сгнул пользовался всеми привилегиями вождя и занимал самую большую хижину.

По правилам, тот, кто сможет одолеть Сгнула в поединке – займёт его место, и вот однажды я бросил ему вызов. У нас это делалось так, надо было подойти к вождю и при всех плюнуть ему в морду.

Я вызвал Сгнула, и немедленно начался поединок.

Сгнул двигался на меня, угрожающе поднимая палку. Он заорал и замахнулся, я увернулся и резко выбросил вперёд свою палку, угодив Сгнулу в колено. Он взвыл и повалился на землю.

Мне не хотелось убивать Сгнула, ведь он был стар. Он валялся на земле и корчился от боли, тогда я подошёл и предложил ему сдаться.

Я думал, что он уже не представляет опасности, но оказалось, что Сгнул дурачил меня. Он притворялся, и в тот момент, когда я над ним склонился, резко вскочил и двумя руками впился мне в шею.

В глазах у меня потемнело, я услышал хруст и... всё.

Тут же я очутился в штабе. Всё произошло как обычно, для меня в этой ситуации не было ничего страшного, но Тхшп, мой первый, более-менее заметный персонаж, из которого я вёл наблюдение, был уже мёртв. Через штаб я навёл наблюдение на место его смерти и увидел, как его тело привязывают к большому вертелу. Теперь его зажарят и сожрут.

Ну да ладно, ничего страшного. Моя половина для наблюдения из людей уже готовилась выйти из следующей утробы...

Время бежало быстро, снова понеслась череда кратковременных жизней в слабых телах. Мои люди умирали, и никто из них не был такого уровня как приснопамятный Тхшп. Никто не пытался выдвинуться во власть. Все они были каким-то подсобным материалом для вождей, чьи старания занять главенствующую позицию всё же увенчивались успехом.

Я продолжал вести запись. Люди уже научились добывать огонь, самым первым примитивным способом, часами натирая палку в сухом хворосте. Появились мелкие битвы с соседними племенами. Пролетело ещё одно тысячелетие и началось следующее.

Заканчивалось одиннадцатое тысячелетие моей службы, когда я снова попал в тело интересного человека. То было в одном из первых древних государств под названием Вавилон.

В первых древних государствах развитие *Сознания* скакнуло далеко вперед. Люди научились торговать, обмениваться между собой результатами своего труда. Селения стали напоминать протогорода, деятельность становилась всё более разнообразной.

То по-прежнему была заря человеческого развития. И для большинства из вас осмысленная история начинается именно в те времена. Тогда же появились летописи, первые выдумки и продуманное насаждение страхов среди низших слоёв общества.

Вы, как создания животного происхождения, разумеется, боитесь боли. Если кому-то из вас захотелось властвовать, он с уверенностью может положиться на этот верный способ. Просто бей и убивай, а остальные будут бояться и слушаться. Однако таким способом крепкое государство не построить. Кто-то всегда будет таить злобу и желать избавиться от тирана, а при первом удобном случае вас самих убьют.

Тем более, мудрому правителю надо как-то обосновывать свои действия, иначе его власть очень быстро подвергнут сомнению.

Когда это сделалось более-менее ясно, была изобретена концепция религии. Царь был назначен наместником божьим на Земле и заимел "прямой доступ" к общению с "всевышним". Поэтому отныне и навсегда его решения должны выполняться беспрекословно.

Слово царя – закон, невыполнение закона – смерть. Почему? Потому что царь имеет связь с богами.

В той, или иной форме любая религия трактует именно это. Просто вместо царя можно поставить любое другое наименование – патриарх, папа, жрец, священник и тому подобное.

Если народ верит в концепцию религии, значит он поверит в непогрешимость и безупречность религиозного представителя. А тогда, в те далёкие времена религиозные представители и главы государств чаще всего были одним и тем же лицом.

В Вавилоне возводились каменные строения, здесь было много рынков, и появились деньги. Здесь я родился в человеке по имени Джараб. У него была довольно примечательная жизнь, и дальнейшее повествование до момента его смерти, я буду вести от его имени.

Джараб

Вавилон 10996 год (2004 год до н. э.)

– Джараб! Джараб, вставай, негодный мальчишка!

Это орала моя мать. Своего отца я не знаю и никогда не видел. Скорее всего, им был один из материнных посетителей. Да, она была шлюхой, пока не испортилась, а сейчас её уже никто не берёт. Лишь Боги ведают, сколько она убила новорождённых и почему сохранила именно меня.

На прошлой неделе мне исполнилось четырнадцать. Всю свою короткую жизнь я только и делаю, что выполняю грязную работу. С малых лет мать втолковывала мне, что я должен жить ради неё. Я должен помогать ей по дому, должен зарабатывать деньги и кормить её. Я кругом должен.

О Боги, как же мне это надоело!

Вчера я первый раз был с женщиной. Я впервые не принёс заработанные деньги домой. Я потратил их на наложницу и вино. Чёрт его знает, на что я рассчитывал, но сейчас пришла расплата.

– Джараб! Негодяй!

Мать замахнулась на меня палкой. Я резко вскочил и упал перед ней на колени.

– Прости меня, матушка! – залепетал я. – Вчера меня избили и ограбили у большой Стены, я так перед тобой виноват!

– Лжёшь! Скот негодный! От тебя разит вином и шлюхами! Ты истратил деньги, предназначенные нам на прокорм, – вскричала мать и ударила меня по голове.

– Прости, мама, прости!

– Скот! Животное! Негодяй! Лжец! – вопила мать, нанося всё новые удары.

Я сжался в комок и безропотно терпел экзекуцию.

Наконец мать в изнеможении опустила на пол и тяжело задышала.

– Шагом марш работать, тварь! – крикнула она на прощанье, встала и вышла.

Я вздохнул с облегчением.

Кое-как ополоснувшись из корыта, я опоясался набедренной повязкой и побежал на работу. С прошлого года меня взял хозяин каменоломни. Труд был очень тяжёлый, но ведь и платили мне неплохо, с лихвой хватало на еду мне и матери.

Нечистый меня попутал устроить вчера себе развлечение, никогда больше не буду этого делать! Никогда! Голова нещадно болит, да и девка была не очень. А теперь вот придётся быть до самого вечера голодным, ведь на еду денег совсем не осталось!

Я быстро шёл по грязным улицам. Солнце взошло, а это значит, что все на каменоломне уже давно работают. Ещё не хватало получить нагоняй от хозяина. Я ускорил шаг, потом побежал.

Наконец показалась заветная пещера.

– Джараб!

Я обернулся. Передо мной стоял хозяин.

Я раболепно поклонился.

– Здравствуй, господин!

Не отвечая на приветствие, хозяин приступил к выговору:

– Джараб, ты опоздал на работу! Знаешь ли ты, который сейчас час?

– Нет, господин, – я склонил голову ещё ниже.

– Джаарааб! Уже почти полдень! Из-за твоего опоздания, я вынужден терпеть убытки!

– Да, господин, простите меня, господин, – лепетал я.

Хозяин пристально меня разглядывал.

– Ты ведь хорошо понимаешь, Джараб, что за такое поведение, я могу выгнать тебя с работы?

– Да, господин, я понимаю это! Но умоляю, пожалуйста, не надо! Я готов искупить свою вину! Я отработаю!

– Джаарааб! Я делаю это только из-за твоей матери, я знал её ещё до твоего рождения. Раньше она была славной женщиной.

– Благодарю вас, господин, – я готов был расплакаться от облегчения.

– Но! – хозяин поднял вверх указательный палец. – Я никак не могу оставить твой проступок без наказания, ибо тогда в каменоломне все решат, что опаздывать дозволено! Ты ведь понимаешь это, Джараб?

Я окончательно сник и расплакался, ответив сквозь слёзы что, да, я понимаю и это.

– Прекрати немедленно, Джараб! Будь мужчиной, или я окажусь вынужден прогнать тебя несмотря ни на что! – хозяин грозно подбоченился. – Джараб! С сегодняшнего дня ты работаешь на два часа дольше, плата при этом не увеличится. Так продлится одну неделю. Это будет твоим наказанием. Тебе это понятно, Джараб?

– Д-да, господин, – всё ещё всхлипывая, ответил я. – Спасибо, господин!

Грозно приподняв бровь, хозяин пристально на меня посмотрел и, указав в сторону пещеры, сказал:

– Ну так приступай к работе немедленно!

Я сломя голову бросился в пещеру. Справа от меня люди толкали тачки полные битого камня, я побежал вглубь каменоломни.

– Здравствуй, Джараб, – сказал Сухейн.

Я был его помощником. Недавно Сухейну исполнилось сорок лет. Это был широкоплечий старик с ещё крепкими мышцами и хмурым лицом. Сухейн был добр ко мне.

– Здравствуйте, дядя Сухейн! Простите, я сегодня опоздал!

– Ничего, юноша, ничего.

Сказав это, Сухейн повернулся обратно к стене и принялся долбить её киркой. Мои обязанности заключались в сборе колотого камня. Я собирал из-под ног Сухейна крупные куски и складывал их в тачку. Потом я катил тачку к месту сбора камня. Что делали дальше с этой горой камней, я не знаю.

Уставал я на работе страшно. Мой руководитель Сухейн был одним из немногих, кто был способен продолжать работать в сорокалетнем возрасте. Как правило, максимальный возраст рабочих каменоломни не превышал тридцати пяти лет.

О Боги, как же я мечтал о другой жизни!

С раннего утра и до позднего вечера я был вынужден таскать тяжести. И хотя работал я здесь совсем недавно, у меня уже начались боли в спине. Тяжки минуты упорного труда. Порой я не чувствовал ничего кроме голода. Не знаю откуда брались силы, может быть от безысходности, а может оттого, что не хватало фантазии думать о чём-то кроме еды. А еду я мог получить, лишь продолжая работать.

В полдень Сухейн сказал, что пора сделать перерыв. Он часто угощал меня лепёшками, и теперь я посмотрел на него с отчаянной надеждой. Сухейн вытащил из своего мешка две лепёшки и протянул одну мне.

– На, Джараб, ешь.

– Да хранят тебя Боги, дядя Сухейн! – воскликнул я. – Я так голоден! Спасибо! Спасибо тебе!

Сухейн скупо усмехнулся и впился остатками зубов в свою лепёшку. Я с жадностью надкусил свою. Пока мы ели, никто из нас не проронил ни слова.

Дожевав свой нехитрый обед, Сухейн сказал:

– Знаешь, Джараб, а ведь тебе здесь совсем не место.

Он задумчиво погладил бороду. Я ждал продолжения.

– Да, Джараб, существует множество способов заработать на жизнь. И работа в каменоломне – это, пожалуй, один из самых худших способов. Я работаю здесь последние десять лет. Но думаешь, дожил бы я до сорока, если бы ломал камень как ты, с юности?

– А где же ты раньше работал, дядя Сухейн? – спросил я.

– Я занимался торговлей. Мы с братом торговали мясом. Наша семья разводила баранов, мы рубили их и продавали свежее мясо. Потом, когда прибыль выросла, мы открыли харчевню и смогли продавать мясо дороже. Ведь теперь это уже было не просто мясо, а готовая еда, – Сухейн улыбнулся своим воспоминаниям.

– Почему же ты пришёл работать сюда, дядя Сухейн?

Он перестал улыбаться и уставился себе под ноги.

– Знаешь, Джараб, в жизни иногда случаются вещи, которые ты никак не можешь предугадать. Вот и я не смог предугадать такую вещь.

– Что же случилось?

– Ни к чему тебе этого знать, Джараб, послушай-ка лучше, что я тебе скажу. Уходи отсюда и ищи работу на рынке. Не ломай свою жизнь, ведь она не такая крепкая как эти камни.

И Сухейн указал рукой на камни, которые имел в виду.

Он помолчал немного и продолжил:

– Знаешь что, Джараб, уходи отсюда прямо сейчас. Просто встань и уйди.

Я удивлённо вытаращился на него.

– Куда же я пойду, дядя Сухейн? Ведь мать меня и на порог не пустит после такого!

Сухейн усмехнулся.

– А ты и не возвращайся к своей матери, Джараб. Пойми, тебя ждёт трудная и короткая жизнь. Твоя мать уже стара. Она сама распорядилась своей судьбой. С тобой, или без тебя – ей в любом случае осталось недолго. А у тебя ещё есть шанс выбиться в люди. Только у тебя, Джараб. Если ты будешь обсуждать это с матерью, ты никогда отсюда не уйдёшь.

– Куда же мне пойти кроме матери, дядя Сухейн? – спросил я.

Сухейн пристально посмотрел на меня и сказал:

– Ступай на рыночную площадь, Джараб. Найди там лавку мясника. Продавца зовут Жемаль. Скажи ему, что тебя послал Сухейн. Скажи ещё, что за ним должок. Если он возьмёт тебя к себе работать, то должок я ему прощаю.

Я неуверенно смотрел на Сухейна. Вот так запросто! Взять и уйти с каменоломни, не вернуться домой! Что подумает мать?!

– Не сомневайся, Джараб. Или ты сделаешь это сейчас, или всё будет так, как я сказал. Это твой единственный шанс.

Что-то внутри меня ёкнуло, и я решился.

– Хорошо, дядя Сухейн, я сделаю как ты велел. Но кто этот Жемаль?

– Это неважно. Иди и возьми свою лучшую жизнь, сынок.

Я медленно встал и направился к выходу из пещеры.

Потом, неожиданно для себя, я подбежал к Сухейну и обнял его.

– Спасибо тебе, дядя Сухейн, – сказал я.

Он похлопал меня по плечу и тихо проговорил:

– Ну иди-иди... и никогда больше сюда не возвращайся.

Я почувствовал как слёзы заливают глаза. Я оторвался от Сухейна и ринулся прочь из пещеры. Мне что-то кричали вслед, но я даже не обернулся.

Рыночная площадь располагалась в центре города. Я без труда отыскал мясную лавку и зашёл внутрь небольшого павильона. В нос ударил запах сырого мяса. На массивном столе лежали бараньи головы, нарезанные куски жирного мяса и сала.

За прилавком стоял хмурый муж. Его лицо почти полностью скрывала борода и густые чёрные брови. Всмотриваясь в меня, он нахмурился ещё сильнее.

– Тебе чего? – спросил он грудным голосом.

Мне стало страшно, я даже не нашёлся что ответить.

– Ты немой чтоль, щенок? – муж нахмурился ещё сильнее, что до этого казалось невозможным.

Я вдруг отчётливо осознал, что назад дороги нет. Теперь вся моя дальнейшая судьба целиком зависит от этого злого дядьки. Если он сейчас вышвырнет меня за порог своей мясной лавки, то я уйду из города и пушусь в странствия, даже если от этого умру через месяц. Больше никаких каменоломен и злых упрёков матери.

Я услышал свой дрогнувший голос:

– Моё имя Джараб, я работал на каменоломнях с Сухейном, это он послал меня сюда. Он сказал найти Жемаль и сказать, что за ним должок. Ещё он сказал, что если Жемаль примет меня к себе в подмастерья, то должок будет прощён.

Лицо хозяина лавки смягчилось, хотя складка между бровями осталась прежней. Он показался мне немного добрее.

– Сухейн? – задумчиво переспросил он. – Стало быть, ещё жив старина... Что ж, ладно, потолкуем. Поди пока в подсобную комнату. Ты голоден?

Конечно же я был голоден!

Он пустил меня в маленькую комнату позади прилавка, усадил на старый топчан и вручил здоровенный кусок вяленой баранины. Я с чувством поблагодарил его и жадно вцепился зубами в мясо.

– Сиди здесь, Джараб, мне надо закончить торговлю. Вот тебе вода, – он подал мне кожаный бурдюк.

Я ещё раз поблагодарил его, и он вернулся к прилавку.

В течение нескольких часов в павильон заходили люди, и я слышал как Жемаль торговался. Каждый покупатель норовил сбить цену, а продавец в свою очередь, остаться при своей.

Как я узнал позднее, Жемаль всегда завышал цены на мясо с учётом торга. Та цена, за которую он готов был продавать свой товар, зачастую была в два раза меньше цены, которую он озвучивал покупателям.

Судя по тому, как покупатели яростно ужасались и выкрикивали то и дело слово «грабёж», они прекрасно знали об этих правилах игры. Это было своего рода состязание, кто кого переболтает. Без торга, казалось, исчез бы и весь интерес торговли.

Наконец я услышал как Жемаль говорит, что, к сожалению, на сегодня товар закончился и он приглашает прийти покупателей завтра. После этого он закрыл хлипкую деревянную дверь павильона и вошёл ко мне.

– Ну что ж, Джараб, рабочий день окончен.

Мы вышли на улицу, и я с удивлением отметил, что прошло не более четырёх часов после полудня. Закончен рабочий день? В каменоломне рабочий день был в самом разгаре, да и сравнивать *этот* труд с тем, что делают люди там, просто кошунственно!

Мы прошли пару кварталов и очутились возле небольшого домика с примыкавшим к нему крупным участком земли.

– Заходи, Джараб, мы пришли, – сказал Жемаль. – Зуя! Зуя, у нас гость!

Входная дверь домика открылась и на пороге появилась полная, низкорослая женщина, с добрым лицом. Это очень контрастировало с хмуростью Жемалья, они словно дополняли друг друга, как две противоположности.

Зуя улыбалась.

– Здравствуй, Жемаль! Я как раз приготовила обед, прошу к столу, – она посмотрела на меня и сказала. – Здравствуй, юноша, как твоё имя?

– Джараб, госпожа! – ответил я.

– Прошу в наш дом, Джараб.

Мы вошли внутрь.

Жилище Жемалья было очень скромным. За порогом короткий коридор, за ним обеденная комната. Посредине стоял стол, за которым с трудом уместились бы четверо. Зуя усадила нас на табуреты грубой работы и поставила перед каждым из нас миску с жареной бараниной. Ещё на столе стоял крупный глиняный кувшин и плетёная корзинка с лепёшками.

Жемаль, не отвлекаясь на разговоры, хищно принялся за еду. Я не заставил себя уговаривать и взял пример с хозяина.

Когда мы поели, Жемаль сказал:

– Что ж, Джараб, расскажи более подробно о себе. Кто твои родители, как ты очутился на каменоломне и как познакомился с Сухейном? Как он сам? Я слышал, старик стал совсем плох?

Я ответил:

– Отца своего я не знаю, меня растила одна мать. Я жил с ней на окраине. С раннего детства она отправила меня работать. Сначала я таскал дрова для торговца с соседней улицы. Потом мать договорилась с хозяином каменоломни, и я стал работать у него.

Зуя неодобрительно покачала головой. Жемаль переглянулся с ней и спросил:

– Почему твоей матери не пришло в голову просто продать тебя в рабство? Судя по всему, она видит в тебе лишь источник дохода.

Я вздохнул и сказал:

– Возможно и так, господин. Я слышал, что она хотела продать меня, но ей предложили слишком низкую цену. Моя мать обслуживала солдат, когда была моложе. Сейчас её уже никто не берёт и сама она занимается стиркой и уборкой для состоятельных людей. Меня же каждый день отправляет на каменоломню, чтобы я отработывал еду, которой она меня кормит.

Жемаль задумчиво погладил бороду и спросил:

– Ну а ты сам-то, как относишься к матери? Любишь её?

– Нет, – не колеблясь ответил я. – Я не желаю ей зла и не испытываю ненависти, хотя может и должен. Я просто не хочу её больше видеть.

Жемаль взглянул на жену, та, чуть заметно кивнула, потом он снова посмотрел на меня и заговорил:

– Послушай, Джараб, Сухейн скорее всего ничего не сказал тебе о том, что нас с ним связывает? Я так и думал, он не изменился, всегда был скрытным человеком. Так я сам расскажу тебе.

Много лет назад Сухейн вместе со своим братом создал дело по торговле мясом, то самое, что продолжаю сейчас я. Они организовали процесс, всё шло хорошо, но однажды к Сухейну пришла женщина, блудница, и сказала, что у неё родился сын, отец которого – он, Сухейн. Тогда он с негодованием вышвырнул её вон. Мало ли находилось охотниц до богатого дельца, каким был Сухейн? А тут, потаскуха... стыд, да и только.

Сухейн прогнал её прочь и забыл о ней. Он продолжал заниматься делом вместе со своим братом. Брат же, завёл семью и родил сына. Они продолжали вместе вести дело, однако личная жизнь у Сухейна не складывалась. Он пытался сходить с женщинами, чтобы завести детей,

но ничего не выходило. Через какое-то время он выгонял женщин, потому что считал, что причина бездетности в них.

Когда его брату исполнилось тридцать четыре, он умер и Сухейн продолжил вести дело с его сыном. Он выучил сына ремеслу и честно делил с ним прибыль пополам.

Сухейн смирился с тем, что не может продолжить род и отдавал всего себя делу. Однажды вечером, он прогуливался по улице и вдруг увидел телегу с мёртвым молодым человеком на ней. Сухейн ужаснулся, поскольку молодой человек был точной копией его самого пятнадцать лет назад. Он окликнул возницу и спросил, кто этот мёртвый молодой человек?

Возница ответил Сухейну, что это сын продажной женщины, который работал на каменоломнях. После двух лет работы он не выдержал и умер. «Где же его мать?» спросил Сухейн, чувствуя, как в груди начинает отчаянно колотиться сердце. Возница рассказал о месте, где живёт мать умершего, и Сухейн отправился туда.

Когда он пришёл, он нашёл ту самую блудницу, что явилась к нему много лет назад с просьбой приютить сына.

Сухейн отчаянно плакал, и горю его не было утешения. И тогда он позвал меня к себе. Да ты, наверное, уже и сам догадался, я – его племянник, тот самый сын его брата.

– Жемаль, – сказал Сухейн. – Я совершил ужасную ошибку, и нет мне прощения. Я не могу вести дело дальше, я заслуживаю наказания. Я оставлю всё дело тебе, а сам пойду работать в каменоломни. Я буду там до тех пор, пока не встречу юношу возраста моего умершего сына. Тогда я отправлю его к тебе, и ты должен будешь выучить его всему, чему когда-то научил тебя я. Я совершил ужасное и должен искупить свою вину перед судьбой...

Жемаль замолчал, глубоко вздохнул и закончил рассказ:

– Ну и вот сегодня в мой павильон зашёл ты, Джараб.

Я ошарашено смотрел на него. Всё время пока он говорил, я слушал, не проронив ни слова. Какое-то время мы сидели в полной тишине.

Молчание нарушила Зуя:

– Что ж, думаю теперь тебе следует обдумать то, что ты сейчас услышал, Джараб. Своих детей у нас, к сожалению, нет, так что мы с удовольствием примем тебя под свою опеку.

Жемаль добавил:

– Живём мы небогато, но позволить себе это можем. В нашем доме есть отдельная комната, в которой ты будешь жить. Я научу тебя тонкостям ремесла. На заднем дворе к нашему дому примыкает большой участок луга, на котором Зуя пасёт стада. Периодически я забиваю скот, разделываю и продаю мясо. Кроме того, я занимаюсь перепродажей мяса от заезжих торговцев. Раньше, когда мы работали с Сухейном, мы могли позволить себе содержание небольшой харчевни, но сейчас это стало трудно. Впрочем, кто знает, может со временем с твоей помощью я смогу возродить и это дело. Ну как, ты согласен, или хочешь вернуться к матери?

Я чуть не подпрыгнул на месте:

– Конечно, я согласен!

Жемаль улыбнулся.

– Хорошо, тогда с завтрашнего дня твоё обучение начнёт Зуя. Будешь пока пастухом. Ремесло следует осваивать постепенно, с самых основ.

Я согласно закивал.

– Зуя, подготовь его комнату, расскажи что где в доме. Пусть ложится спать, час уже поздний, а вставать засветло, – закончил разговор Жемаль.

Я освоился в их доме очень скоро. Моя комната представляла собой крохотное помещение с грудой соломы, на которой я с удовольствием спал. Иногда ночами по углам скреблись крысы, но это меня не сильно беспокоило, ибо я привык к гораздо худшим условиям.

Каждый день до восхода солнца я вставал и шёл пасти овец. Первое время Зуя всегда была со мной. Потом, когда я освоил эту нехитрую науку, обязанность по выпасу полностью легла на меня.

Не знаю, связано ли это с моим появлением, но вскоре после того как я стал трудиться у Жемалья, его дела заметно пошли в гору.

Постепенно он обучил меня премудростям приготовления мяса на продажу. Я самостоятельно забивал овец и разделывал туши.

Я завёл себе собаку, которая помогала мне на выпасе. Помимо того, что я был полностью обеспечен, накормлен и одет, Жемаль ещё и выплачивал мне денежное вознаграждение. Я не тратил эти деньги, а целиком откладывал, сам пока не зная на что.

Примерно через год после начала работы, Жемаль сообщил мне, что до него дошли слухи о смерти Сухейна на каменоломне. Мне стало грустно, однако я помнил о том, что Сухейн прожил очень долгую и насыщенную жизнь, такой можно и позавидовать. Как-никак сорок один год!

Не знаю, то ли это известие, то ли что-то другое подвигло меня, но я решил повидать мать. Я взял с собой накопленные деньги, отпросился у Жемалья и отправился к своему старому жилищу.

По мере приближения к дому матери, моя уверенность рассыпалась на глазах. Я всё ещё жутко её боялся и не хотел видеть. За год моего отсутствия я ни разу не слышал, чтобы она разыскивала меня в городе.

Подойдя к знакомым воротам, я решил, что не буду заходить к ней, а просто оставлю деньги на пороге. Пусть это будет плата за мой побег, а я заработаю себе ещё. Не успел я об этом подумать, как калитка резко распахнулась, и на пороге возник злобный дед.

– Тебе чего, рвань?! – спросил он.

– Я ищу Суанну, – ответил я. – Она жила в этом доме раньше.

– Суанна умерла полгода назад, проваливай, рвань! – сказал злобный дед, захлопывая калитку. – И чтоб я тебя больше здесь не видел, а то выпорю!

Я молча повернулся и ушёл. Чувствовал ли я что-то тогда? Скорее нет, а даже если и чувствовал, то, наверное, лишь одно облегчение.

Прошло четыре года с момента как Жемаль взял меня под своё крыло. Я изучил ремесло по скотоводству и торговле мясом настолько, что мог уже сам управляться со всем хозяйством. Жемаль был очень мною доволен, работать ему самому приходилось всё меньше, а я всячески искал способы увеличивать нашу общую прибыль. Я всегда думал за всех нас: меня, Жемалья и Зуя. И старался ради всех. Как-то мне пришла в голову мысль о том, как расширить наше дело. Я не замедлил поделиться этой мыслью за ужином.

– Дядя Жемаль, тётя Зуя, я хотел бы обсудить с вами одну идею.

– Какую, милый Джараб? – спросила Зуя.

– Мне думается, что мы могли бы расширить торговлю мясом, если бы открыли ещё одну лавку в другой части города.

Жемаль нахмурился.

– Но как ты себе это представляешь, Джараб? Я уже слишком стар, чтобы управляться с лавкой в одиночку, а ты не сможешь разрываться на две торговые точки!

– Всё так, дядя, но я хочу найти надёжного человека, которого можно было бы обучить ремеслу и посадить в новую лавку. Он бы торговал, отдавал нам прибыль, а мы бы платили ему жалование!

Жемаль расхохотался.

– Неужели ты думаешь, Джараб, что я никогда не думал о том, чтобы нанять работника? Уверю тебя, гораздо спокойнее будет самим управляться с тем, что есть, чем бегать за воришками, которых в этом проклятом городе пруд пруди! И думать забудь.

На этом мою попытку пресекли, однако я не хотел сдаваться. Ведь меня точно так же приняли в своё время в дело, и я не оказался воришкой! Значит, есть и другие честные люди! Не один же я такой!

Через пару недель я попытался снова заговорить о поисках работника с Жемалем. Он по привычке свёл брови, но потом неожиданно сказал:

– Значит так, Джараб, я готов подумать над твоим предложением, но с одним условием. Ты берёшь на себя ответственность по поиску работника, и если кандидат сыщется, он будет находиться полностью на твоём попечении, и платить ты ему будешь из своего кармана.

Я согласно закивал.

– Подожди. Это не всё. У работника будет испытательный срок в течение года. Если за это время он покажет себя как добросовестного и честного малого, то только тогда мы обсудим возможность открытия второй лавки.

Я снова кивнул.

– И последнее. Работник ничего не должен знать о наших планах, его ты посвятишь в детали только по истечении года, при условии, что он покажет себя с хорошей стороны. Тебе всё понятно?

– Да, дядя Жемаль, я всё понял!

На том мы и порешили. И уже следующим утром я занялся поиском будущего работника.

Надо сказать, что сия задача оказалась не из лёгких. Конечно, не трудно было найти исполнительного раба, готового за кусок хлеба делать всё, что угодно, но нам нужен был человек, способный принять на себя обязанности по управлению целой лавкой. Найти подходящего кандидата было очень тяжело, к тому же официально я искал обычного работника. Объяви я на рыночной площади о том, что мне нужен управляющий – тут же сбежались бы жулики всех мастей.

Трудно сказать, получилось бы у меня найти подходящего человека, или нет, но в какой-то момент я решил сменить тактику. Почему, собственно, необходимо искать сразу же готового кандидата, а нельзя взять простого рабочего и вырастить его в последствии до уровня управляющего? Поставив вопрос таким образом, я перестал зря тратить время и принял на работу первого попавшегося нищего юношу, который искал способ не умереть с голоду.

Я выучил этого мальчугана ремеслу торговли мясом в считанные месяцы, и через полгода мог уже спокойно оставлять на него лавку. Я был уверен, что он не обманет. Он ни за что не предал бы меня, ведь он был обязан мне сытой жизнью. Так, мой первый работник успешно прошёл испытание в течение года, о чём мы договаривались с Жемалем, и я незамедлительно сообщил об этом своему благодетелю.

– Хорошо, – нехотя сказал Жемаль. – Делай как знаешь, Джараб, ты теперь главный. А я становлюсь стар, для меня всё это уже слишком сложно.

Тогда я нанял строителей, и они возвели ещё одну лавку на другом конце улицы. Этой лавкой теперь заведовал мой помощник. Я решил, что коли Жемаль оставил за мной право распоряжаться делом, теперь я не буду ничем ограничиваться. Я сразу же взял на работу ещё одного голодного юношу, и так же как и в первый раз, сделал из него преданного мне человека.

Уже через год, я открыл тем же путём ещё одну лавку.

Прошло семь лет с того момента как я ушёл с каменоломни, и сейчас я стал одним из самых богатых и уважаемых людей Вавилона.

Спустя ещё три года, я построил себе отдельный дом, нашёл жену и у нас родились дети. Зуя умерла, а Жемаль стал совсем старым. Я помогал ему как мог, но пришёл и его час. Перед смертью он завещал всю свою долю в ремесле мне.

Я уже совсем забыл своё страшное детство и юность, к моему тридцатилетию по всему Вавилону насчитывалось десять мясных лавок и четыре харчевни, принадлежавшие мне. Я считал, что достиг своего апогея в делах и стал задумываться о своём наследии. Мне хотелось, чтобы после моей смерти жизнь простых людей становилась бы только лучше.

Я решил организовать школу ремесленников для простолюдинов. Сделать это оказалось не так-то просто, ибо такое начинание выходило за рамки прибыльного предприятия. Школа для простолюдинов вообще была огромным новшеством в наше время, и как только власти узнали про моё намерение, я столкнулся с сильным сопротивлением.

Однажды утром меня вызвали к царю.

Это произошло впервые, и мне было ужасно страшно.

Под конвоем меня провели в огромную комнату царского дворца. Я испугано смотрел на старца, удобно устроившегося на подушках. Двое рабов синхронно обмахивали его павлиньими веерами.

Я встал на колени и поклонился.

Словно не заметив моего подобострастного приветствия, царь хмуро заявил:

– Кто позволил тебе, презренный торговец, затевать в моём царстве авантюры?

– Ваше величество, я...

– Молчать! – перебил меня царь. – Я всё про тебя узнал, Джараб, сын шлюхи. Тебя вытащила из грязи слепая удача, ты разбогател и зажрался. Ты не достоин своего положения в обществе ни по родству, ни по заслугам! Тебе просто повезло, грязный ты скот! И ты, животное, вместо того, чтобы тихо радоваться своему счастью, разворачиваешь свою мясодельню по всему Вавилону! Я долго закрывал на это глаза, ладно думаю, пусть! Но ты обнаглел до такой степени, что замахнулся на устои, которые создавались веками нашими отцами и дедами. Моими отцами и моими дедами! Понятно ли тебе это, презренное убожество?

– Мой царь...

– Молчать! Грязный скот! Никакого прощения. Твои мясные лавки и харчевни, что ты, наглец, здесь понастроил, с сего момента переходят во владение Вавилона! Твоя жена и дети будут отданы в рабство, а тебя, поганый выскочка, сожрут крокодилы сей же час!

В завершении своей речи он два раза хлопнул в ладоши и кивнул стражникам.

Я ошеломлённо вылупился на царя. Мой рот непроизвольно открылся, но я даже не знал, что сказать. Я почувствовал сильный удар в живот. Одновременно, кто-то схватил меня сзади и свёл руки за спиной. В рот мне воткнули грязную тряпку и грубо толкнули вглубь зала.

Вдруг, каменный пол между мной и царём раздвинулся и внизу показался бассейн.

– И пусть все в этом городе знают о том, что происходит с наглыми рабами и чернью, которая пытается подрывать авторитет власти! – проорал напоследок царь.

Та же рука, что за минуту до этого заткнула меня тряпкой, быстро вытащила её обратно. Кто-то сильно ударил меня ногой в спину, и я с криком упал в бассейн подземелья.

Удерживаясь на поверхности воды, я тревожно осмотрелся по сторонам и сразу увидел две мерзкие фигуры стремительно двинувшиеся ко мне с разных сторон.

Я кричал, я молил о пощаде, моё тело сотрясали судороги, я рыдал.

Острая боль пронзила моё правое бедро, и в ту же секунду второй крокодил оторвал мою левую руку. Я погрузился в туман, где боли уже не было, меня стремительно уносило куда-то... куда-то... куда...

Так закончилась жизнь славного Джараба. Я был слегка разочарован. Честно сказать, я никак не предполагал, что его затея со школой обернётся таким роковым концом, но как позже мне говорила Четвёртая, в этот период все человеческие установки в Сознании были примерно такими же, как у Вавилонского царя.

Владельцы пересматривали запись жизни Джараба дважды. Они напряжённо что-то подсчитывали и выделяли. Потом они ушли, а мы продолжили свою работу.

Я снова входил в мир с новорождёнными и уходил после их смерти. Следующую тысячу лет мне не попадался ни один интересный человек. Лишь к середине тринадцатого тысячелетия, я снова очутился в теле примечательной личности. На этот раз это произошло на территории Древней Индии, откуда я и продолжу дальнейшее повествование уже от имени этого нового человека.

Махеш

Индия 12 595 год (405 год до н. э.)

Мой отец был знатным вельможей, а мать – его безродной наложницей.

Когда я родился, мама уже была выброшена отцом на улицу. Вельможи часто так поступали: собирали себе разнообразных молодых девушек (родители которых из-за крайней нужды продавали их порой за несколько овец и мешок зерна), а потом, когда девушка вельможе надоела, он или перепродавал её, или выбрасывал на улицу.

Мой отец был богатым, и он мог позволить себе выбрасывать свою собственность. Мама разозлила его своим растущим животом, и он избил её и выгнал, как и десяток других девушек до неё.

Мама родила меня, когда ей было тринадцать. Она родила меня в подворотне и не бросила, как это делали со своими детьми многие другие. Она обернула в куски хламы моё маленькое тельце и носила всегда с собой.

Наверное тут не обошлось без вмешательства судьбы, потому что вскоре меня с матерью подобрал другой знатный вельможа. Он видел мою мать раньше (когда она ещё жила у отца), и давно воспылал к ней страстью.

Этот вельможа подошёл на улице к матери и сказал:

– Здравствуй, я вижу Шамшан выгнал тебя. Пойдём со мной, я возьму тебя к себе, ты будешь сыта и одета, мне нужна такая наложница как ты.

Мать ответила, что она пойдёт лишь при одном условии: её сын останется с ней, и он тоже будет сыт и одет. Иначе она не пойдёт, а лучше умрёт от голода вместе с ним.

Вельможа хмыкнул.

– Странная ты женщина как я погляжу, кому нужен этот щенок? Зачем ты вообще таскаешь его с собой, а не выбросила на помойку, как это делают другие?

Мать ответила, что это не щенок, а её сын, его имя – Махеш, и раз господин не желает принимать её условия, то ей лучше уйти.

– Да подожди ты, ишь! Какая наглая! Ну ладно-ладно! Можешь взять его с собой. Махеш, – усмехнулся он. – Какое глупое имя!

Так я попал в дом знатного Руджа и до своего десятилетия ни в чём не нуждался.

Обо всех этих событиях мне рассказывала мать, когда я ещё был совсем ребёнком, и моё детство было безоблачным до тех пор, пока однажды Руджа не попал в немилость индийского раджи.

Радже не нравилось как некоторые из его подданных стремительно богатеют. Радже нужно было подобиострастие и раболепие, иначе он начинал подозревать в своих вельможах измену. Ну, или неуважение. А это никак не годится, ибо раджу должны уважать все!

Сначала соглядатаи доложили ему, что вельможа Руджа заводит по одной наложнице в месяц. Это было очень много, даже раджа не заводил себе столько. Конечно, раджа мог заводить себе и больше, но зачем? Неужели Руджа способен насыщаться таким количеством женщин одновременно? В его доме уже больше сотни наложниц!

Раджа велел соглядатаям изучать поведение Руджи дальше, и вскоре ему доложили, что большинство наложниц Руджа использует лишь единожды, а потом он просто содержит их, а они работают на его землях!

"Ха! Да не возомнил ли он себя вторым раджей!" – вознегодовал раджа.

Нет, так себя вести нельзя! Раджа поручил шпионам найти что-то такое во владениях Руджа, за что его можно было бы наказать. Однако, как они не вынюхивали, как не выпрашивали – найти им ничего не удавалось.

Раджа скрежетал зубами, он не привык мириться с теми, кто ему не нравился. В то же время убить просто так знатного вельможу – значило бы, восстановить против себя других знатных вельмож. Раджа подумал и решил прибегнуть к испытанному способу.

Он подарил вельможе Рудже белого слона.

От такой милости отказаться было нельзя, ведь подарок невероятно дорогой и от самого раджи! Руджа обречённо принял подарок, зная, что в скором будущем его неминуемо ждёт разорение. Белые слоны были очень дороги, их постоянно надо было держать в чистоте, что требовало огромных затрат, они жрали гораздо больше чем слоны обыкновенные и пищу тоже следовало давать им самую отборную.

Отказаться от подарка было невозможно, поскольку это стало бы прямым оскорблением раджи. Передарить, или продать слона – тоже. Если бы слон подох, или выглядел бы неприглядно, то это также оскорбило бы раджу. А оскорбление раджи каралось смертью и конфискацией имущества, поэтому выбора не было – слона надо было содержать, кормить и регулярно показывать на улицах.

Вскоре Руджа был вынужден отказаться от части своих наложниц, потом ещё от одной части и, наконец, он распустил их почти что всех, в том числе и мою мать. Мне на тот момент уже исполнилось десять, и я отчётливо помню как мать жалела бедного Руджу. Да и я жалел. Мы очень привязались к нему и любили, как и большинство других его слуг и наложниц.

Но жалость жалостью, а пора было подумать и о себе. Ведь мы остались на улице без средств к существованию. Всё вернулось на круги своя, счастливая пора кончилась, и мать оказалась на базарной площади теперь уже со мной десятилетним.

Шансов на то, что кто-нибудь из вельмож взял бы нас к себе снова, практически не было. Моя мать заметно постарела и уже не представляла интереса для мужчин, я же был ребёнком, не умеющим ничего. Разве что, разносить подносы с едой и наливать напитки в бокалы, чем я занимался у Руджа.

Мы жили на улице, перебиваясь мелкими подачками, иногда мне удавалось что-то стащить в съестной лавке, но долго так продолжаться не могло, ибо рано или поздно меня бы схватили и тогда, скорее всего, отсекли бы руку. Так что, мы с матерью были обречены на нищенское существование и неминуемую голодную смерть. Это был лишь вопрос времени.

Через полгода такой жизни моя мать заболела и скоростижно умерла. Я собрал хворост и сжёг её тело на пустыре, за городом. Теперь я остался совсем один.

Стыдно об этом говорить, но смерть матери значительно облегчила мою жизнь. Мне стало гораздо проще воровать, так как теперь для прокорма требовалось гораздо меньше еды. Я стал более быстр и всегда мог убежать, что часто было затруднительно, когда рядом была мать. Словом, я даже и не думал долго по ней горевать, да и какой в этом смысл?! Мать прожила долгую жизнь, и смерть была её естественным завершением. Да, возможно, она прожила бы и дольше, будь всё в порядке с Руджем, но... кто его знает? Нам не дано понимать таких вещей.

Мне шёл двенадцатый год, и я понимал, что если продолжать заниматься воровством, то рано или поздно меня всё же поймут и отрубят руку. С одной рукой моё будущее было немислимым. Скорее всего, я бы вообще не выжил, потому что не мог позволить себе лекаря. А после наказания за кражу, максимум, на что я мог рассчитывать – это на то, что на кровотокащей культе останоят кровь. Калёным железом там, или обмотав грязными тряпками. Потом же, неминуемо последует заражение, и я подохну в муках, как последняя собака.

Нет, так продолжаться не может! Я должен найти работу, чтобы жить!

Я слонялся от одной лавки к другой. Торговцы лепёшками и мясом не подпускали меня даже близко, равно как и торговцы сладями и фруктами. Это было вполне закономерно, ибо

попрошайки вроде меня слонялись по торговым площадям каждодневно, а для голодающего юноши нет ничего привлекательнее еды. Просто так меня туда никто бы не взял, так что вскоре я отправился к ремесленникам.

Здесь я так же ходил от одной мастерской к другой и предлагал себя в качестве помощника, но везде меня с негодованием прогоняли. Наконец, я окончательно отчаялся и подумал, что наверное не смогу выжить в этом жестоком мире.

Я брёл по берегу океана и уныло вглядывался в морскую даль, когда меня окликнул дребезжащий голос:

– Эй ты, поди сюда!

Я с недоумением посмотрел на замотанного в какие-то тряпки старика.

– Да ты, малец, давай подойди! Ну же, скорее! – нетерпеливо позвал старик и добавил. – Жрать-то хочешь небось, а?

Последняя фраза оказала на меня волшебное действие, я стремглав бросился к нему.

– Так-то, – сказал дед. – Идём со мной.

С этими словами старик бодрой походкой направился прочь от морского берега. Я послушно засеменял следом. Я шёл рядом и не смел задавать вопросов. Если этот человек действительно может дать мне возможность прокормиться, я приму любое его предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.